

Линь И замер, пораженный собственной мыслью: неужели он и впрямь ничего не желает от этого мира?

Сюаньюань Кунь, наконец, пришел в себя. Он одарил наставника мимолетной, почти прозрачной улыбкой, в которой сквозила попытка успокоить — и себя, и его.

— Я один на всем свете, — наконец вымолвил он. — Раз учитель так добр ко мне, то неважно, даже если он чего-то и хочет.

В отношениях между людьми полное отсутствие желаний означает лишь поверхностность чувств. Чем дороже нам человек, тем сильнее в нас пробуждается жадность.

В делах корыстных — это алчный расчет прибылей и убытков. В чувствах истинных — жажда обладания чужим сердцем. Будь то любовь или выгода, самые важные для нас люди всегда становятся объектами наших притязаний. Мы отдаем многое и порой сами не замечаем, как глубоко пустила корни эта жадность.

Тому, кто воистину ничего не желает, обретение не приносит радости, а потеря не оставляет следа. Но много ли весит такое безразличие?

Оба замолчали. Вода отражала холодный лик луны, в траве мерцали светляки. Тепло ладоней, которые не хотелось отпускать, дарило обоим хрупкое чувство покоя. Сейчас им этого было достаточно. Возможно, каждый из них что-то искал в другом.

Тишину разорвал глухой удар.

Тяжелый предмет рухнул на землю прямо за их спинами. Линь И обернулся и увидел Лу Цзычэня. Тот сидел в траве — взъерошенный, перепачканный золой и древесной пылью. «Предметом», свалившимся с высоты, оказался он сам.

Юноша пылал яростью, перемешанной с горьким бессилием человека, которого в очередной раз обвели вокруг пальца. Опершись на руки, он поднялся, и его гнев вылился в едва слышный, полный яда шепот:

— Ведьма!..

Заметив Линь И и Сюаньюань Куня, он сначала обрадовался, но, увидев их невозмутимость, помрачнел еще сильнее. Тем не менее он почтительно склонил голову:

— Чжэньжэнь, Жемчужина Алого Дракона слишком строптива. Младший не в силах совладать с ней. Прошу вас, заберите её сами.

Линь И заложил руки за спину. Глядя на изрядно потрепанного Лу Цзычэня, он мягко произнес:

— Не сердись на неё. Жемчужина просто капризничает. Считай, что ты принимаешь на себя часть гнева, предназначенного твоему отцу.

Сюаньюань Кунь непроизвольно сжал руку, которую Линь И только что отпустил. Он на мгновение посмотрел в сторону, но тут же снова стал непроницаемым.

Лу Цзычэнь тяжело вздохнул и с досадой пожаловался:

— Я понимаю. Отец мало рассказывал о делах тех лет, но я и сам догадывался. То, что я увидел в иллюзии, лишь подтвердило мои подозрения. Но ведь отец поступил правильно! Он ни перед кем не виноват, а теперь вынужден сносить обиды. Все эти годы он вкладывал в эту жемчужину столько сил, а она... мало того, что не знает благодарности, так эта ведь... эта Жемчужина Алого Дракона просто...

Осознав, что переходит границы, Цзычэнь осекся.

Линь И, будучи сторонним наблюдателем, видел ситуацию яснее, но не имел права судить. Это был выбор Лу Чжаня. Человек его склада не мог не осознавать последствий и, вероятно, заранее примирился со своей участью.

— Лишь тот, кто пьет воду, знает, холодна она или горяча, — негромко заметил Линь И.

Едва сорвались эти слова, как речная гладь вскипела. Из воды, сверкая алой чешуей и золотыми когтями, вырвался красный дракон. В лунном свете он мгновенно преобразился: чешуя обернулась подолом алого платья, а величественный зверь — юной девой. Перед ними стояла Цзинь Мэй, в точности такая же, как в иллюзии.

Она ярко улыбнулась, но в ней уже не было прежней беззаботности.

— И впрямь, — отозвалась она, обращаясь к Линь И, — только тот, кто пьет, знает вкус воды.

Затем она насмешливо взглянула на Лу Цзычэня:

— Посмотри на себя, Лу Цзычэнь. Твой отец рассчитывал, что ты возглавишь Павильон Закаленных Звезд и прославишь их никчемную технику меча. Но если ты в простых вещах разбираешься хуже посторонних, я не представляю, как он мог на тебя положиться.

— Я, конечно, не сравнюсь с Чжэньжэнем, — Лу Цзычэнь закусил губу, не желая сдаваться. У него была своя правда. — Но мой отец не совершил ошибки!

Цзинь Мэй холодно рассмеялась:

— О, разумеется, он прав! Разве кто-то посмеет сказать иначе? Убить меня — благое дело, спасти — повод требовать вечной благодарности. Но ведь не твои сухожилия резали, не твой внутренний дан вырывали из груди! Боль терпела я. Неужели мне теперь даже запрещено затаить обиду?

Лу Цзычэнь надолго замолчал. Возразить было нечего, но и смириться он не мог, лишь сердито отвернулся.

Линь И не стал вмешиваться в их спор. Посмотрев на Сюаньюань Куня, который все еще стоял рядом, удерживаемый лишь его духовной силой, он перешел сразу к делу:

— Госпожа Цзинь Мэй, под силу ли вам восстановить разрушенный духовный корень?

Она ответила без тени сомнения:

— Конечно. Я теперь — лишь дух драконьей жемчужины. Мне достаточно пожертвовать малой частью своего божественного начала.

«Частью божественного начала?»

Она говорила об этом так просто, будто речь шла о пустяке. Но Линь И знал цену: на восстановление даже такой «части» уйдут столетия, а ведь у Цзинь Мэй теперь нет даже плотской оболочки.

Исцелять чужой корень за счет собственного естества — это все равно что разбирать одну стену, чтобы подлатать другую.

Линь И и раньше сомневался, стоит ли брать жемчужину, если её нельзя будет использовать по назначению. Теперь же вопрос встал иначе: по какому праву он может требовать от Цзинь Мэй такой жертвы ради своего ученика?

Однако дева выглядела так, будто готова была исполнить любое его распоряжение. Неужели Лу Чжань когда-то пообещал ей?..

Линь И понимал, что вопрос прозвучит дерзко, но всё же спросил прямо:

— Раз так, готова ли госпожа Цзинь Мэй исцелить корень моего ученика?

— Готова, — легко согласилась она. — Сделав это, я больше ничего не буду должна роду Лу.

Лу Чжань обещал Тяньвай-чжэньжэню не просто артефакт, а исцеление для его подопечного, в которое вложил годы труда, возвращая жемчужину. Но благодетелем при этом оставался сам Тяньвай-чжэньжэнь.

«Ну и хитрец же ты, Лу Чжань...»

Стало ясно, почему тот использовал подставного «бессмертного». Линь И вспомнил взгляд Лу Чжаня на мосту Линьси в тот день — теперь понятно, почему градоначальник смотрел на него так странно. Это был взгляд должника, к которому внезапно явился настоящий кредитор.

Для Цзинь Мэй потеря будет велика, но Линь И, взвесив всё, принял решение.

— Хорошо, — произнес он, глядя на Сюаньюань Куня. — Вы исцелите моего ученика, а я после верну вас роду Лэн. Если пожелаете, вы сможете отправиться со мной на Бессмертную гору Бутянь, чтобы восстановить там свои силы.

При этих словах Цзинь Мэй преобразилась. Беззаботность исчезла, она посмотрела на Лу Цзычэня:

— Я говорила Лу Чжаню об этом много раз. Неужели он так тебе и наказал?

Лу Цзычэнь окончательно запутался. Видя её смятение, он понял, что ошибся в своих догадках:

— Отец ничего такого не говорил... Это я сам... предположил...

Цзинь Мэй покачала головой. Она, и прежде печальная, теперь была охвачена беспросветной тоской. Она обратилась к Линь И с мольбой:

— Чжэньжэнь, восстановление корня — дело не минутное. Потребуется великий магический строй. Что же до Лэн Бэйси... те мирские дела остались в прошлом, столетия назад. Не стоит ворошить былое. Прощу вас, заберите меня на Бессмертную гору Бутянь. Я лишь хочу хоть раз увидеть Предка Сотни Трав. После этого у меня не останется иных желаний.

У Лэн Бэйси давно другая жизнь: жена, наложницы, любимая дочь. Спустя сотни лет всё изменилось, и выбор Цзинь Мэй казался единственно верным.

Линь И кивнул:

— Да будет так. Через несколько дней я заберу тебя на Бессмертную гору Бутянь, и там ты исцелишь корень моего ученика.

Лэн Бэйси должен был вернуться в город через три-пять дней. Судя по всему, никто из присутствующих не горел желанием с ним встретаться.

Вокруг них, в Великом строе Водного Зеркала, по-прежнему сияла ночь над мостом Линьси. Мерцали светляки, стыдливо клонили головы лотосы — всё точь-в-точь как в тех первых воспоминаниях.

Почему именно это место? Быть может, она не могла его отпустить. А может, как она сама и говорила, ей просто было слишком одиноко все эти годы, и не осталось ничего, кроме груды старых историй, которые некому было поведать.

Цзинь Мэй слабо улыбнулась: «Вот и славно». Подавляя вспышку боли, она посмотрела на юношу, который всё это время стоял подле Линь И в глубоком молчании.

Сюаньюань Кунь не проронил ни слова. Он чувствовал тепло руки наставника и понимал, что всё его существо сейчас жаждет лишь одного.

Жадность...

Цзинь Мэй прищурилась, словно обнаружив нечто любопытное. Она подалась вперед, глядя на Сюаньюань Куня, но обращаясь к Линь И:

— Чжэньжэнь, а ваш ученик и впрямь наделен и мудростью, и отвагой. Если восстановить его корень... боюсь, по таланту с ним никто не сравнится.

«Еще бы, ведь это Главный Герой!» — подумал Линь И с невольным восхищением. Даже с разрушенным корнем он умудряется производить такое впечатление.

— Только вот... — Цзинь Мэй лукаво посмотрела. Её ярко-алые одежды резко контрастировали с белоснежным нарядом и холодным лицом Сюаньюань Куня. Хоть она и была теперь дочерью дракона, в ней будто чего-то не хватало по сравнению с этим юношей. — Только вот интересно, хочет ли ваш ученик восстанавливать свой корень?

Сюаньюань Кунь оставался безучастным, даже не взглянув на неё. Он смотрел на руку Линь И, тепло которой, казалось, навсегда отпечаталось в его сердце.

Наваждение...

«Это просто наваждение», — твердил он себе. Греховная мысль, рожденная жадностью. И всё же, повинувшись какому-то неведомому порыву, он медленно, почти робко, снова накрыл ладонь Линь И своей рукой.

Линь И уже собирался ответить за него — мол, конечно хочет, у парня впереди великое будущее, — как вдруг почувствовал холод чужих пальцев. Он удивленно посмотрел на Куня, но тот опередил его:

— Мне холодно. А у учителя рука теплая.

Сюаньюань Кунь смотрел на него со странной, неуловимой улыбкой.

— Учитель, — спросил он вдруг, — вы хотите бессмертия?

— Конечно хочу, — ответил Линь И. Почувствовав, насколько ледяные у Куня руки, он крепче сжал его ладонь, стараясь согреть.

— Почему вы его хотите?

«В чем смысл долгой жизни?..»

Линь И подумал: не настал ли тот самый момент, когда он, как наставник, должен преподать ученику важный урок?

— Твой учитель боится боли. Без долголетия и пути самосовершенствования как её избежать? К тому же, если я не обрету бессмертия, как мне защитить тебя? Я хочу дожить до того дня, когда ты станешь тем, кем мечтаешь быть.

Линь И говорил искренне. Он действительно этого хотел.

Сюаньюань Кунь замер. Снова эти слова... В его глазах отражался силуэт наставника, чей взгляд был полон неподдельной нежности.

Человеческое сердце — самая обманчивая вещь в мире.

Оно может быть как сладость, вложенная в грудь, но в один день способно превратиться в клинок, пронзающий до крови. Безумная, запретная мысль в нем становилась всё сильнее.

Он уже однажды выбирал «смерть», и ему нечего было бояться. Но что же это за чувство тогда?

— Учитель, на пути к бессмертию приходится терять слишком многое.

Лицо Линь И, обычно отрешенное, как вечные снега, в лунном свете казалось суровым.

— Если не хочешь чего-то терять — береги это изо всех сил, — произнес он. — А если не сможешь уберечь...

Линь И добавил тише:

— Всегда можно выбрать Путь Бесстрастия.

— Путь Бесстрастия... — Сюаньюань Кунь повторил это с горькой усмешкой.

В его ладони билось тепло живого человека. Тот, кого он считал богом, на самом деле вовсе не был бесстрастным — он тоже чего-то желал. Но при этом советовал ему выбрать путь холодного сердца.

— Учитель, если в сердце нет чувств, то ради чего тогда жить вечно?

Линь И не нашелся с ответом. Белые одежды юноши казались серыми в холодном сиянии луны. Он сжимал руку наставника всё крепче, и выглядел таким одиноким, что у Линь И защемило в груди.

— Учитель, я больше не хочу бессмертия.

Сюаньюань Кунь глубоко вздохнул и добавил:

— И терять вас — тоже не хочу.

<http://bllate.org/book/17554/1713073>